

Трава (рассказ)¹

Дверь захлопнулась. Федор быстро спустился вниз по истертым ступеням, толкнул дверь подъезда, - она распахнулась и выбросила его на улицу.

Мороз, сначала оторопев от такой наглости (Федор был полураздет – без шапки и без пальто), тихо подкрался к нему и начал слегка пощипывать щеки и руки этого явно не по сезону одетого мужчины.

Тускло светивший фонарь с азартом выхватывал из темноты одну за другой скользившие мимо него снежинки, однако по-настоящему завладеть хотя бы одной ему так и не удавалось, что, впрочем, совсем не мешало этому желтому кавалеру продолжать свой бесконечный флирт.

До аэропорта было далеко, но Федора это не тревожило: его теперь вообще мало что волновало.

Он хотел услышать, растет ли трава ночью.

Сегодня дежурила Алла, - кассу она в любое время могла оставить минут на пятнадцать («тех. перерыв»). Этого им всегда было достаточно; зато потом он мог спокойно спать до утра, уверенный в том, что ближе к девяти его будет ждать чашка горячего кофе и бутерброд с колбасой.

Алла – прелесть, только всегда почему-то хочет сверху, - его это не особенно беспокоило, но ведь всему есть разумные пределы...

А в остальном – прелесть.

Когда глубоко вечером одна из линий аэродрома дрожала в предчувствии очередного взлета, трава судорожно пыталась вытянуться повыше: она так любила эти светящиеся неуклюжие громадины.

Где-то внутри ее клеток отдыхала душа мальчика.

¹ Впервые опубликовано: «Отражения». Сборник творчества молодых литераторов Ульяновской области. Ульяновск, 2006. С. 19-23.

Трава была когда-то мальчиком.

Когда самолет пролетал высоко в небе, мальчик любил (особенно в ясную погоду) следить за ним до «са́мого-са́мого», пока сплошное облачное одеяло или какое-то препятствие не скрывали металлическое чудо от зорких глаз маленького наблюдателя.

«Только в молчании познаешь слово...»

Мальчик был нем. Это ему не мешало, но почему-то очень печалило родителей, которые, когда ему исполнилось четыре года, отдали его в школу-интернат для глухонемых детей, а потом и вовсе исчезли.

Он не забыл их.

Федор забыл купить презервативы, но совершенно не мучился по этому поводу, - у Аллы всегда, если постараться, можно было найти пару-тройку...

Одетый не по сезону мужчина прекрасно знал, что он не единственный, кого греет Алла под своим теплым одеялом, однако ему еще ни разу не приходилось заставить в ее комнатухе даже запаха другого представителя мужского пола.

Алла встретила его с платком, в который сморкалась ежеминутно. Федор этому не удивился, поскольку Алла всегда чем-нибудь болела.

Трава не растет зимой. А была зима. Мальчик не умел говорить, а родители так хотели услышать его первые «мама» и «папа».

Федор не любил жену – ни первую, ни вторую. С первой у него даже детей не получилось; от второй, Наташи, родились дочь и сын. Дочери сейчас, по всем подсчетам Федора, было уже около девяти, сын же родился немым, - и они отказались от него.

Иногда траве было больно, - особенно когда она чуть-чуть выше, чем требовалось, вытягивала головку, чтобы посмотреть на садящийся или взлетающий самолет, - и за это ее безжалостно подрезали газонокосилками.

Но трава никогда не жаловалась: она была нема, и ее крохотное сердце немного боялось шума режущих зелень машин.

Она лежала у него на плече, что-то говорила, жаловалась кому-то, - он не знал, кому, так как он-то ее точно не слушал.

Он думал о том, как бы поскорее выпутаться из этой истории: денег ни гроша, из квартиры его буквально выкинули, Алле уже после десяти утра он здесь ни к селу ни к городу: как-никак у нее были и собственный муж и дети...

«А у кого их нет?» - беззлобно усмехнулся Федор и повернулся к ней спиной, тем более что она давно перестала нести эту околесицу про траву, которая мягко поддерживала снег вокруг аэродрома нежными пальчиками ребенка, и Федор почувствовал – всего лишь на мгновение перед тем, как провалиться в бездонную пропасть сна – как кто-то попросил его спеть колыбельную, - попросил не словами, а шелестом маленьких ручек. И он запел – вечность говорила в его песне, его песне о том...

«Песня о том, как трудно в наше время научиться любить...» - загремел радиоприемник прямо над ухом Федора.

Аллы не было: даже постель остыла, и след ее тела исчез. Федор с трудом опустил ослабевшие за ночь ноги на ледяной пол и начал натягивать брюки. Маленькие и грязные электронные часы показывали без десяти девять. В это время Алла обычно приносила кофе.

Так было и на этот раз: Алла вошла с позолоченным кофейником в руках, похожим на потрясающий восход летнего солнца – и на фоне порозовевшего неба мальчик смотрел на скользящий вниз самолет; он чувствовал, как восторг холодком пробежал по спине и нежно щекотал его шею.

Самолеты напоминали мальчику отца: он всегда представлял его таким же могучим и прекрасным. Окна кабины пилотов светились для него, словно глаза матери.

Сначала мальчик не мог узнать отца, который иногда приходил на аэродром и исчезал в главном здании на целую ночь. Но затем он его вспомнил...

И трава мягко колыхалась под снегом, ожидая своего времени...

Федор едва дотянул до весны, а ближе к лету Алла неожиданно нашла ему работу на аэродроме, - он отвечал за определенный сектор на четвертой линии.

Снег исчез, и мальчик снова потянул головку навстречу солнцу, любуясь взлетающими и садящимися голубовато-белыми металлическими чайками.

Трава в этом году была особенно густа и шелестела по ночам так громко, что это замечали даже те, кто никогда не стремился услышать, как растет трава ночью.

Был конец июня. Федор направлялся с четвертой на шестую линию, стараясь идти поскорее, потому что вот-вот должен был сесть самолет 624 рейса, а одна из световых полос барахлила.

Федор должен был проверить, нет ли каких-то внешних факторов, мешающих нормальной работе светополос.

Между четвертой и шестой трава особенно разрослась. Казалось, что асфальт совершенно не мешает зеленому ковру; уборщики жаловались на этот участок, говоря, что ни одна газонокосилка не может ничего здесь сделать: трава словно заново выростала ночью на прежнюю высоту.

Федор шел быстро, но понимал, что не успевает. Он решил немного срезать и пошел по земле, - так было короче.

Ночь надрывалась звуками насекомых, словно вокруг было не стеклянно-каменное творение рук человеческих, а нетронутая природа, таящая в своей глубине вечно ускользающую, как изумрудная лента ящерицы, загадку жизни.

Потом он споткнулся, упал – и каждая травинка, будто маленькая ручка, устремилась ему навстречу, приняла, поддержала, тихо опустила на землю и прижала к себе.

Как давно мальчик ждал этого: он зарывался в волосы отца, весело и нежно смеялся, шептал что-то на своем непонятном, немом языке, щекотал

ему уши, ноздри, губы и обнимал его со всей детской страстностью и непосредственностью...

Он нашептывал ему свои мечты, говорил о маме и самолетах, и ночь брала свое, медленно опуская серое покрывало на спину Федора...

Нашли его на следующий день ближе к полудню, хотя искали с самого утра: сторожа́ никак не могли заметить в короткой, но густой траве распластавшееся, словно вдавленное нечеловеческой силой в землю тело мужчины.

Иногда по аэродрому пробегал ветер, и тогда верхние кончики травинок легко касались спины Федора и шуршали о его рубашку, напевая что-то похожее на колыбельную. Мальчик пел, и вечность говорила в его песне.

Он пел о том...